

Александр Суздалев

"Исповедь"

Поэтический цикл

Вера была – знамя,
Раскольничий поп с костра
Протягивал сквозь пламя
Мятежные два перста.
Пел на костре скорчась,
Слушай, сегодняшний ты,
Где же твоя гордость?
Где же твои персты?

Москва, 2012

Смирение - добродетель русского Народа,
Терпи Ты всё, Великая держава,
Там - тебе обещана свобода,
А здесь - ломать устои, ты не имеешь права.

* * *

Он вор, но он пожертвовал на Храм,
Такую сумму, что все святые ахнут,
Откуда ж деньги? Какое дело вам,
Отпущены ему грехи, а денежки не пахнут.

* * *

Я верю - Библия не лжет,
Конечно, жаль распятого Христа,
Мне боль его в груди дыру прожжёт,
И, потому, не ношу креста.

* * *

Ты, те и эти книги не читай,
Ты встал на ложную дорогу,
Святые лики почитай,
И угоден будешь Богу.

Пустышка самоуспокоения

За воровство - его не упрекай,
За взятки - суди не очень строго,
Здесь ему, конечно, Рай,
Но там ответит он пред Богом.

* * *

Хотел увидеть, очень, Друга,
Визит к Нему, осознан, не случаен,
У дома встретила меня прислуга,
Учтив я с ней, но нужен мне хозяин.

* * *

Сказал известный проповедник -
«Не православный ты, коль в церковь не пришёл»
А как же тот, святой отшельник,
Который истину в лесной глуши нашёл?

* * *

Вы всё твердите, а я не верю вам,
Апостола Фомы я, видимо, наследник,
За все свои дела я отчитаюсь сам,
Для этого не нужен мне посредник.

* * *

Смирение - не в унижении убогом,
А получив удар, и всё-таки, стерпеть,
Смирение — когда, без претензий к Богу
Спокойно сможешь умереть.

* * *

«Чудо - критерий истинности Веры»
Простите, я и в этом усомнился,
А чудо в том, что из Небесной Сферы,
Из пустоты, ты на этот свет явился.

Зачем же ты пришёл мешать нам...
Ибо если был, кто всех более заслужил наш
костёр,
то это ты. Завтра сожгут тебя.

Поэма о Великом Инквизиторе.
Ф.М. Достоевский

Веселитесь! Золото - наш истинный кумир.
И повторится та же песня,
Когда он явится в наш злобный мир,
То мы его казним, и подождём, когда он в третий раз воскреснет.

* * *

С соперником покончив навсегда,
Язычник, вспоминал о нём с любовью,
Доедая плоть своего врага,
И, запивая, его же кровью.

Суть причастия сакральна и проста,
Но от насилия, народ, и так, устал.
Пить кровь и есть Христа,
И в страшном сне, я б, никогда не стал.

Ирония

Мы, все равно, когда-нибудь умрём
Умрём сейчас, а может чуть позднее,
Поэтому голосовать пойдём,
Вручив свою судьбу, какой-нибудь идее

Цигун

Во мне живут простор и пустота,
Отсутствуют материя и масса,
Возродилась детства красота,
И чистая доска — табула расса*

*) Читается правильно - «**Табула раз**а»,
но произносится как «расса».

Меня осудят, предложат покаяться в грехах,
Распишут Ад, достойный Возрождения кисти,
Но лишь Любовь, живущая в моих стихах,
Даёт мне право по-иному мыслить.

* * *

Я верю в Бога, но не ношу креста,
А если б, в результате рокового взмаха,
Была бы отсечена глава Христа,
То символом бы Веры стала – плаха?

* * *

Утрачен сакральный дух Христа,
Ритуалы стали сутью века,
И за пределами Церковного Поста,
Любите больше Человека.

* * *

И эту мысль всегда носил я,
невзгоды жизни презирая,
Всевышнему скажу – Я жил в России,
И потому достоин Рая.

* * *

Меня осудят, и приговорят заочно,
Что в вере в Бога, и духовно слаб,
Но с детства я усвоил прочно –
Я человек, а не Божий раб.

* * *

Живём мы в удивительной стране,
В кого ни ткни, здесь каждый верит в Бога,
Но почему, скажите мне,
Страна духовно нища и убога.

* * *

Законы психики поправ,
С утра молись, не зная меры,
Мне могут возразить, что я не прав,
Но откуда же взялись "Стигматы веры"?

* * *

Облагораживают святые лики Храмы,
Но им народ молиться перестал,
А в государственных структурах хамы
Себе воздвигли властный пьедестал.

Был к Церкви мой вопрос лоялен и учтив,
– "За что же власть народ карает строго?"
В ответ услышал я речитатив,
– "Вся власть от Бога, вся власть от Бога..."

Народ тогда пойдёт молиться в Храм,
Когда, вопреки своей природе,
Церковь скажет власти, – что и вам,
Пора бы вспомнить о простом народе.

* * *

Один вопрос мне не даёт писать стихи,
Хоть этой мыслью я вполне утешен,
Человечества искупил Христос грехи,
Так почему ж, сейчас, новорождённый грешен?

У нас, у каждого, своя дорога,
В предопределённость, веры не утрачу.
Живём мы все под сенью Бога,
Но почему ж в церквях, святые лики плачут?

Истинная Вера – это светлый Храм,
И чистый звук хоралов песнопений,
А чудеса нужны, лишь, там,
Где проросли ростки сомнений.

Ругаете, что не верю чудесам?
На вас я вовсе не в обиде,
Пред Господом отвечу сам,
Стоя в обнажённом виде.

* * *

На Земле нам некуда бежать,
Все ждут Всемирной гекатомбы*,
Нам нужно, лишь, кулаки разжать,
И перестать надеяться на бомбы.

* **Гекатомба** (греч. hekatombe, от hekaton — сто и bus — бык),
в Древней Греции жертвоприношение, состоявшее первоначально из 100
быков; впоследствии Г. стали называть всякое значительное общественное
жертвоприношение

Любая власть развращает человека,
Абсолютная власть – развращает человека
абсолютно.
Князь Рюрикович, Пётр Кропоткин,
основоположник анархо-коммунизма.

Власть развращает абсолютно человека,
И эта пагубная страсть,
Породила абсолютно ложный тезис века,
Мой тезис – сам человек развращает эту власть.

* * *

Живём в эпоху парадоксов,
мы произносим вновь и вновь,
Слова Великих Ортодоксов,
А в мире продолжает литься кровь.

* * *

С презрением отношусь к толпе святош,
Вчера к его ногам кидали пальмовые ветви,
А завтра закричат – "Варавву ты не трожь,
Распни его, – пусть Он за всё ответит".

* * *

Не бойся Страшного Суда,
Его Отец всегда был с нами,
Когда же снова Он придёт сюда,
То встретим мы его улыбкой и цветами.

Противостояние за Иерусалим

Два войска встретились опять,
И это – жуткая картина,
Больной король не мог стоять,
Пред пожилым Салах ад Дином.

* * *

"Молись, и увидишь Лик ты своего Отца,
И там осыпет он тебя дарами,
А здесь ты будь смиренны как овца",
Тебе так скажут Дядьки с бородами.

* * *

Прошу судить меня не строго,
И у меня к тебе претензий нет,
Ведь я Монада*, я частица Бога,
И сам себе авторитет!

* * *

Живём мы, и не знаем, что творим,
Две страсти управляют человеком,
Ненависть – Нероном испепелённый Рим,
Любовь же – Тадж-Махал, воздвигнутый ханом Улуг-Бек.

* * *

Когда же Веры развернётся Знамя,
И истина к нам вернётся вновь,
И та готовность пройти сквозь пламя,
Свою, а не чужую, проливая кровь.

Женщина в каракуле

Какой-то скользкой дрянью тучи плакали,
Снег, тая, сочно хлюпал под ногами,
Со мною рядом женщина в каракуле,
С чужими, незнакомыми глазами.

Мы где-то были, чего-то пили,
О чём-то спорили, зачем-то пели,
И вот теперь, спешим к автомобилю,
Что б поскорей добраться до постели.

А впрочем стоп! Ведь мы ещё не пьяны,
И настроение вполне приличное,
А ну-ка, шеф, швырни нас к ресторану,
В столице надо пить "Столичное".

Аминь, магнитофон в гостиной глухнет,
Хозяйка наша – маленькая фея,
На два часа нам подарила кухню,
Ведь мы и в куне полюбить сумеем.

Вы, умные, начитанные, дошлые,
Вы, интеллектуальные покойники,
Нам наплевать, что вы сочтёте пошлым,
Наш поцелуй под звонким рукомойником.

Скажите, вы бывали в Горной Шории,
На Горном Тазе, в сопках за Озасом,
Где мы, совсем не мня себя героями,
Для вас в тайге зубами грызли трассу.

И в страшном сне, вы никогда не видели,
Как в минус сорок, мы, обливаясь потом,
Руками сосны трелевали в Ивдели,
А летом мёрзли в ледяных болотах.

Вам рассказать, как в Кара-Кумах ночью,
Под комариный бред, в шакальем лае,
Мы пульпопровод по пескам ворочали,
На кобр сопогами наступая.

Кого ж винить, что жизнь такая бурная,
ну объясните, на кого обидеться,
Что мы, простите, не совсем культурные,
И кухни нам, порой, дворцами видятся.

Ровно в восемь явятся рабочие,
Что бы в стене дворца заделать трещину,

Любовь, как спирт, одним глотком проглочена,
И я в последний раз целую женщину.

И снова также, как накануне вечером,
Слегка в подпитии, чуть-чуть голодные,
Мы с ней прошли, лифтершей не замеченные,
Немного грустные, но зато свободные.

Над Маяковской снова тучи плакали,
Снег, тая, сочно хлюпал под ногами,
Со мною рядом женщина в каракуле,
С чудесными, любимыми глазами.

* * *

Дождём разило небо в пьяном гнев,
Рассыпав серых облаков золу,
Мне снился сон о снежной королеве,
В холодном карцере на ледяном полу.

Мне снилось: – её несут драконы,
В галлюцинирующем свете звёзд,
Я пью с друзьями за её корону,
Я поднимаюсь по ступенькам к трону,
И за любовь ей предлагаю тост.

В ритмичном танце дождь стучал по крыше,
Звенел охранник связкою ключей,
Он хлеб принёс, но я его не слышал,
Ведь я был счастлив, я был рядом с ней.

Я на свободе. Всё переменялось,
Я возвратился, а она ушла,
Ни разу больше мне она не снилась,
Ни разу королева не явилась,
Ни разу мне любовь не отдала.

Я болен грустью, сердце холодеет,
И смерти я готов воздать хвалу,
Чтоб в вечном сне, вновь повстречаться с нею,
В холодном карцере, а ледяном полу.